

ИЗЪ РУССКИХЪ ИЗДАНИЙ.

Повѣсти конца года.—Работа на дьявола.—Мелодраматическая метаморфоза.—Художественная археологія.—Душевные страданія комика.—Больные ученики въ современной школѣ.—Долгі интеллигенціи предъ народомъ.—Китайскіе экзамены.

Журнальная беллетристика подвержена своеобразному закону періодичности. На начало года приходится появленіе большихъ романовъ, своею безконечностью испытывающихъ терпѣніе читателей, конецъ года—даетъ безчисленное множество повѣстей и рассказовъ, настолько краткихъ, чтобы по мудрому редакторскому расчету съ ними можно было развязаться въ двѣнадцатой книжкѣ журнала. По тому же закону послѣднія книжки журналовъ должны быть составлены болѣе нарядно, представляя собою, по выраженію Надсона, наиболѣе питательную умственную «коврижку». Однако, годъ на годъ не приходится. Декабрьскія книжки истекшаго года дали рядъ крайне безцвѣтныхъ повѣстей, и только «Русской Мысли» судьба благопріятствовала, давъ возможность блеснуть маленькимъ рассказомъ Ан. П. Чехова—«Случай изъ практики». Какъ всѣ произведенія талантливаго беллетриста, рассказъ отличается глубиной мысли, заложенной въ него, говоря именно о томъ, что нужно. Молодого выдающагося доктора вызвали изъ Москвы на подмосковную фабрику. Больною оказалась единственная дочь владѣлицы фабрики. Болѣзнь была нервная и выражалась въ охватывавшемъ временами больную безпредметномъ ужасѣ и слезахъ. Дѣвушка была некрасива, но когда она зарыдала, «впечатлѣніе существа убогаго и некрасиваго вдругъ исчезло, и Королевъ уже не замѣчалъ ни маленькихъ глазъ, ни грубо развитой нижней части лица; онъ видѣлъ мягкое страдальческое выраженіе, которое было такъ разумно и трогательно, и вся она казалась ему стройной, женственной, простой, и хотѣлось уже успокоить ее не лѣкарствами, а простымъ ласковымъ словомъ». Докторъ Королевъ, не найдя въ болѣзни ничего особеннаго, собрался уѣзжать, но его упростили провести ночь на фабрикѣ. Гувернантка Христина Дмитріевна, заправлявшая домомъ, ужинала съ нимъ. Доктору не хо-

тѣлось спать, и онъ вышелъ на дворъ фабрики. Онъ началъ думать «о томъ, о чемъ думалъ всегда, когда видѣлъ фабрику». Фабрику онъ считалъ недоразумѣніемъ, причина котораго, какъ хронической болѣзни, неясна и неустраиваема, и всѣ улучшенія въ жизни рабочихъ хотя не казались ему лишними, но онъ приравнивалъ ихъ къ лѣченію неизлѣчимыхъ болѣзней. «Тутъ недоразумѣніе, конечно... думалъ онъ, глядя на багровыя окна.—Тысячи полторы-два фабричныхъ работаютъ безъ отдыха, въ нездоровой обстановкѣ, дѣлая плохой ситецъ, живутъ впроголодь и только изрѣдка въ кабакѣ отрезвляются отъ этого кошмара; сотня людей надзираетъ за работой, и вся жизнь этой сотни уходитъ на записываніе штрафовъ, на брань, несправедливости, и только двое-трое, такъ-называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсѣмъ не работаютъ и презираютъ плохой ситецъ. Но какія выгоды, какъ пользуются ими? Лялинова и ея дочь несчастны, на нихъ жалко смотрѣть; живетъ въ свое удовольствие только одна Христина Дмитріевна, пожилая, глуповатая дѣвица въ рпсе-пез. И выходитъ такъ, значитъ, что работаютъ всѣ эти пять корпусовъ и на восточныхъ рынкахъ продается плохой ситецъ для того только, чтобы Христина Дмитріевна могла кушать стерлядь и пить мадеру». Но и Христина Дмитріевна только подставное лицо. «Главный-же, для кого здѣсь все дѣлается,—это дьяволъ. И онъ думалъ о дьяволѣ, въ котораго не вѣрилъ, и оглядывался на два окна, въ которыхъ свѣтился огонь. Ему казалось, что этими багровыми глазами смотрѣлъ на него самъ дьяволъ, та невѣдомая сила, которая создала отношенія между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь ничѣмъ не исправишь. Нужно, чтобы сильный мѣшалъ жить слабому, таковъ законъ природы, но это понятно и легко укладывается въ мысль только въ газетной статьѣ или въ учебникѣ, въ той-же ношѣ, какую представляетъ изъ себя обыденная жизнь, въ путаницѣ всѣхъ мелочей, изъ которыхъ сотканы человѣческія отношенія, это уже не законъ, а логическая несообразность, когда и сильный, и слабый одинаково падаютъ жертвой своихъ взаимныхъ отношеній, невольно покоряясь какой-то направляющей силѣ, неизвѣстной, стоящей внѣ жизни, посторонней человѣку». Докторъ понималъ болѣзнь своей пациентки, понималъ причину ея страданій и ночью-же, зайдя къ ней,

говорилъ ей: «Вы въ положеніи владѣлицы фабрики и богатой наслѣдницы недовольны, не вѣрите въ свое право и теперь вотъ не спите, это, конечно, лучше, чѣмъ еслибы вы были довольны, крѣпко спали и думали, что все обстоитъ благополучно. У васъ почтенная безсонница; какъ-бы ни было, она хорошій признакъ. Въ самомъ дѣлѣ, у родителей нашихъ былъ-бы немислимъ такой разговоръ, какъ вотъ у насъ теперь; по ночамъ они не разговаривали, а крѣпко спали, мы-же, наше поколѣніе, дурно спимъ, томимся, много говоримъ и все рѣшаемъ, правы мы или нѣтъ. А для нашихъ дѣтей или внуковъ вопросъ этотъ—правы они или нѣтъ,—будетъ уже рѣшонъ. Имъ будетъ виднѣе, чѣмъ намъ. Хорошая будетъ жизнь лѣтъ черезъ пятьдесятъ, жаль только, что мы не дотянемъ. Интересно было-бы взглянуть.

«— Что-же будутъ дѣлать дѣти и внуки?—спросила Лиза.

«— Не знаю... Должно быть, побросаютъ все и уйдутъ.

«— Куда уйдутъ?

«— Куда?... Да куда угодно,—сказалъ Корольевъ и засмѣялся.—Мало-ли куда можно уйти хорошему, умному человѣку».

Возвращаясь на станцію желѣзной дороги, докторъ «думалъ о томъ времени, быть можетъ уже близкомъ, когда жизнь будетъ такою-же свѣтлою и радостной, какъ это тихое, воскресное утро...»

Такою-же мятущуюся душу, какъ Лиза въ вышеприведенномъ разсказѣ Чехова, пыталась изобразить и г-жа Ек. Лѣткова въ своей повѣсти «Чудачка», помѣщенной также въ «Русской Мысли». Но то, что у Чехова разсказано на десяти страницахъ, у г-жи Лѣтковой заняло пять печатныхъ листовъ: умѣренность—первый признакъ настоящаго таланта. Нѣтъ въ разсказѣ г-жи Лѣтковой и чувства внутренней мѣры. Она изображаетъ душевную борьбу дѣвушки, которая съ одной стороны поняла пустоту обыкновенной свѣтской жизни и жаждетъ «положить душу за други своя», съ другой—безконечно любить свою мать и готова для нея пожертвовать всѣмъ, даже своими убѣжденіями. Мать изображается черствой и недалекой эгоисткой, обожающей самое себя и прожившей большую половину жизни безъ всякихъ угрызений совѣсти. Она не понимаетъ настроенія своей до-